

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности части первой статьи 392
Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой
гражданина Р.М.Четыза

город Санкт-Петербург

14 июля 2020 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя
В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря,
Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева,
А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова,
Ю.Д.Рудкина, В.Г.Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской
Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3,
частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального
конституционного закона «О Конституционном Суде Российской
Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке
конституционности части первой статьи 392 Трудового кодекса Российской
Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина Р.М.Четыза.
Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся

неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Л.М.Жарковой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. В соответствии с частью первой статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации работник имеет право обратиться в суд за разрешением индивидуального трудового спора в течение трех месяцев со дня, когда он узнал или должен был узнать о нарушении своего права, а по спорам об увольнении – в течение одного месяца со дня вручения ему копии приказа об увольнении либо со дня выдачи трудовой книжки или со дня предоставления работнику в связи с его увольнением сведений о трудовой деятельности (статья 66¹ данного Кодекса) у работодателя по последнему месту работы.

1.1. Заявитель по настоящему делу гражданин Р.М.Четыз 31 июля 2013 года заключил с Управлением ФСИН России по Республике Саха (Якутия) контракт о службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации в должности среднего начальствующего состава Управления ФСИН России по Республике Саха (Якутия) на пятилетний срок с момента окончания учебного заведения и был зачислен курсантом 1 курса юридического факультета федерального казенного образовательного учреждения высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (Академии ФСИН России).

Приказом начальника Академии ФСИН России от 4 августа 2017 года на основании заключения служебной проверки от 31 июля 2017 года Р.М.Четыз был отчислен из образовательной организации за грубое нарушение служебной дисциплины, снят со всех видов довольствия и приказом врио начальника УФСИН России по Республике Саха (Якутия) от 18 августа 2017 года откомандирован в распоряжение ФКУ СИЗО-1 УФСИН

России по Республике Саха (Якутия) с 14 августа 2017 года. Затем приказом начальника ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Республике Саха (Якутия) от 25 августа 2017 года заявитель был откомандирован в распоряжение начальника УФСИН России по Республике Адыгея для дальнейшего прохождения службы с 25 августа 2017 года (на основании рапорта Р.М.Четыза от 25 августа 2017 года, запроса УФСИН России по Республике Адыгея от 24 августа 2017 года, согласования с ФСИН России от 24 августа 2017 года).

Р.М.Четыз обратился в Советский районный суд города Рязани с исковым заявлением об оспаривании приказа об отчислении из Академии ФСИН России и восстановлении в должности курсанта, решением которого от 15 января 2018 года, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Рязанского областного суда от 4 июля 2018 года, его исковые требования были удовлетворены – приказ об отчислении был признан незаконным, Р.М.Четыз восстановлен в должности курсанта юридического факультета Академии ФСИН России.

Решение суда было обращено к немедленному исполнению и приказом начальника Академии ФСИН России от 24 января 2018 года Р.М.Четыз был восстановлен в должности курсанта 4 курса юридического факультета с 15 августа 2017 года. Соответственно, приказом УФСИН России по Республике Адыгея от 29 января 2018 года (с изменениями, внесенными приказом от 6 февраля 2018 года) заявитель 31 января 2018 года был исключен из списков личного состава УФСИН России по Республике Адыгея и откомандирован для дальнейшего прохождения службы в распоряжение Академии ФСИН России, а по окончании обучения направлен в УФСИН России по Республике Саха (Якутия).

21 августа 2018 года Р.М.Четыз обратился в Советский районный суд города Рязани с исковым заявлением о компенсации морального вреда, причиненного в результате незаконного отчисления из Академии ФСИН России, обосновывая свои требования наличием решения суда по служебному спору, вступившего в законную силу 4 июля 2018 года, и

ссылаясь на положения статьи 237 Трудового кодекса Российской Федерации, предусматривающей, что моральный вред, причиненный работнику неправомерными действиями или бездействием работодателя, возмещается работнику в денежной форме в размерах, определяемых соглашением сторон трудового договора, а в случае возникновения спора факт причинения работнику морального вреда и размеры его возмещения определяются судом независимо от подлежащего возмещению имущественного ущерба, а также на положения статьи 151 ГК Российской Федерации, закрепляющей право граждан на компенсацию морального вреда.

В ходе судебного разбирательства ответчик заявил о пропуске истцом срока обращения в суд. Суд, указав, что законодательство, регулирующее отношения в сфере службы в органах уголовно-исполнительной системы, не содержит норм о компенсации морального вреда, причиненного сотруднику, посчитал возможным применить положения Трудового кодекса Российской Федерации, а именно часть первую статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации, и определил, что предусмотренный ею трехмесячный срок обращения в суд исчисляется со дня, когда истец узнал или должен был узнать о нарушении своего права, т.е. со дня издания приказа об отчислении истца из Академии ФСИН России – 4 августа 2017 года; следовательно, по мнению суда, соответствующий срок истек 4 ноября 2017 года. Довод представителя истца о том, что срок обращения в суд должен исчисляться со дня вступления в законную силу решения суда о восстановлении истца на службе, т.е. с 4 июля 2018 года, суд признал несостоятельным.

Решением Советского районного суда города Рязани от 23 октября 2018 года, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Рязанского областного суда от 16 января 2019 года, в удовлетворении требований заявителя отказано в связи с пропуском срока обращения в суд. Определением судьи Рязанского областного суда от 21 июня 2019 года отказано в передаче кассационной жалобы представителя заявителя для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции.

1.2. Несоответствие части первой статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации статьям 45, 46 (части 1 и 2), 52 и 53 Конституции Российской Федерации Р.М.Четыз, уволившийся 13 ноября 2018 года со службы в уголовно-исполнительной системе по основанию, предусмотренному пунктом 2 части 2 статьи 84 Федерального закона от 19 июля 2018 года № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (по инициативе сотрудника), усматривает в том, что данное законоположение в системе действующего правового регулирования выступает в качестве основания для отказа в удовлетворении требования о компенсации морального вреда, причиненного гражданину незаконными решениями, действиями (бездействием) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных или муниципальных служащих, в тех случаях, когда сам факт нарушения прав и свобод гражданина установлен другим решением суда, вступившим в законную силу, в связи с пропуском закрепленного этой нормой трехмесячного срока на обращение в суд.

Вместе с тем, как следует из представленных материалов, причинение морального вреда заявитель связывает не с незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных или муниципальных служащих, а с незаконным отчислением из Академии ФСИН России, которая органом государственной власти или местного самоуправления не является и с которой заявитель состоял в служебных отношениях. Соответственно, удовлетворение его требования о восстановлении в должности курсанта Академии ФСИН России происходило в рамках служебного спора, рассматривавшегося с применением части первой статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации.

1.3. Положения статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации послужили образцом (моделью) для осуществления правового регулирования

рассмотрения и разрешения служебных споров. Так, в соответствии с частью 4 статьи 74 Федерального закона «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» сотрудник или гражданин, поступающий на службу в уголовно-исполнительной системе либо ранее состоявший на службе в уголовно-исполнительной системе, для разрешения служебного спора может обратиться к руководителю федерального органа уголовно-исполнительной системы или уполномоченному руководителю либо в суд в течение трех месяцев со дня, когда он узнал или должен был узнать о нарушении своего права, а для разрешения служебного спора, связанного с увольнением со службы в уголовно-исполнительной системе, – в течение одного месяца со дня ознакомления с приказом об увольнении. Такое же правило установлено частью 4 статьи 72 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В тех же случаях, когда сроки обращения в суд специальным законодательством не установлены, в силу общего правила о субсидиарном применении норм трудового законодательства к отношениям, не урегулированным нормами законодательства о государственной службе, подлежат применению нормы статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации. В частности, сроки обращения в суд не были установлены Положением о службе в органах внутренних дел Российской Федерации (утверждено Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 23 декабря 1992 года № 4202-1), в связи с чем к отношениям с участием лиц, на которых распространялось действие названного Положения, включая сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний, применялась названная статья Трудового кодекса Российской Федерации.

С учетом изложенного предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу является часть первая

статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации в той мере, в какой она служит основанием для исчисления срока обращения в суд с иском о компенсации морального вреда, причиненного нарушением трудовых (служебных) прав, в тех случаях, когда такой иск заявлен после вступления в законную силу решения суда по трудовому (служебному) спору, которым были восстановлены трудовые (служебные) права истца.

2. Согласно Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина как высшая ценность являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием; все равны перед законом и судом (статьи 2 и 18; статья 19, часть 1). Право на судебную защиту относится к основным неотчуждаемым правам и одновременно выступает гарантией всех других прав и свобод (статья 46, части 1 и 2, Конституции Российской Федерации).

Раскрывая конституционное содержание права на судебную защиту, Конституционный Суд Российской Федерации указывал, что ограничение данного права не допускается, так как не может служить достижению перечисленных в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации целей (Постановление от 25 июля 2001 года № 12-П). Из статьи 46 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 19 (часть 1) и 123 (часть 3), закрепляющими равенство всех перед законом и судом и принцип осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, следует, что конституционное право на судебную защиту – это не только право на обращение в суд; вытекающий из Конституции Российской Федерации и признанный международным сообществом в качестве фундаментального принцип беспрепятственного доступа к правосудию предполагает право на обращение в суд и возможность получения реальной судебной защиты (постановления от 16 марта 1998 года № 9-П, от 15 февраля 2016 года № 3-П, от 21 ноября 2017 года № 30-П и от 18 июня 2019 года № 24-П). Право на универсальную судебную защиту подтверждено Европейским Судом по правам человека, в частности в решениях от 21 февраля 1975 года по делу «Голдер (*Golder*) против Соединенного Королевства» и от 27 февраля 1980

года по делу «Девеер (*Deweer*) против Бельгии», а также Конституционным Судом Российской Федерации в постановлениях от 6 июня 1995 года № 7-П и от 23 февраля 1999 года № 4-П (Постановление от 24 января 2002 года № 3-П).

Восстановление нарушенных прав и свобод в случаях, предусмотренных законом, может сопровождаться компенсацией причиненного в результате такого нарушения морального вреда. Исходя из принципа беспрепятственного доступа к правосудию реальная судебная защита должна обеспечиваться (при наличии соответствующего правового регулирования) и тем лицам, которые в результате действий, нарушающих их права, претерпели моральный вред (физические или нравственные страдания).

3. Категория морального вреда, проявляющегося, в частности, в нравственных переживаниях в связи с невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий и др. (абзац второй пункта 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 года № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда»), в российской правовой системе имеет межотраслевое значение. Моральный вред может быть причинен в сфере как гражданско-правовых, так и иных общественных отношений.

Трудовой кодекс Российской Федерации относит право на компенсацию морального вреда в порядке, установленном данным Кодексом, иными федеральными законами, к числу основных прав работника (абзац четырнадцатый части первой статьи 21).

Как следует из положений статей 237 и 394 Трудового кодекса Российской Федерации, работнику компенсируется моральный вред, причиненный неправомерными действиями или бездействием работодателя, в том числе незаконным переводом на другую работу, необоснованным применением дисциплинарного взыскания, отказом в переводе на другую работу в соответствии с медицинскими рекомендациями либо увольнением без

законного основания или с нарушением установленного порядка увольнения. При этом указанные нормы допускают рассмотрение соответствующего спора и определение размера денежной компенсации морального вреда судом.

Следовательно, в процессе защиты своих трудовых прав работник вправе предъявлять требование о компенсации морального вреда, причиненного решениями и действиями (бездействием) работодателя.

Это требование, как правило, предъявляется в суд заинтересованным лицом одновременно с требованием, из которого оно вытекает, а возможность его удовлетворения зависит от установления судом в том же судебном процессе оснований для удовлетворения основного требования.

Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 8 июня 2015 года № 14-П отметил, что в случаях, когда требование о компенсации морального вреда вытекает из нарушения имущественных или иных прав, именно заинтересованному лицу в силу присущего гражданскому судопроизводству принципа диспозитивности принадлежит право выбирать, обращаться ли ему в суд с соответствующим иском одновременно с требованием о защите нарушенных прав или по отдельности (статьи 3, 131 и 151 ГПК Российской Федерации). Суд вправе рассмотреть самостоятельно предъявленный иск о компенсации причиненных истцу нравственных или физических страданий (пункт 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда»).

Следовательно, работник (государственный служащий) не лишен возможности обращаться в суд с таким иском уже после разрешения судом индивидуального трудового (служебного) спора, в том числе и после вступления в законную силу решения суда, которым требование работника (государственного служащего) о восстановлении нарушенных трудовых (служебных) прав было удовлетворено.

4. Статья 392 Трудового кодекса Российской Федерации, закрепляя условия, порядок и сроки для обращения работника в суд, направлена на реализацию права на судебную защиту в сфере трудовых отношений, права на

индивидуальный трудовой спор (статья 37, часть 4; статья 46, часть 1, Конституции Российской Федерации).

Согласно части первой статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации работник имеет право обратиться в суд за разрешением индивидуального трудового спора в течение трех месяцев со дня, когда он узнал или должен был узнать о нарушении своего права, а по спорам об увольнении – в течение одного месяца со дня вручения ему копии приказа об увольнении либо со дня выдачи трудовой книжки или со дня предоставления работнику в связи с его увольнением сведений о трудовой деятельности (статья 66¹ данного Кодекса) у работодателя по последнему месту работы.

Предусмотренные указанной нормой сроки (трехмесячный и месячный – для споров об увольнении) являются более короткими по сравнению с общим сроком исковой давности, установленным гражданским законодательством Российской Федерации. Такие сроки, выступая в качестве одного из необходимых правовых условий для достижения оптимального согласования интересов сторон трудовых отношений, не могут быть признаны неразумными и несоразмерными. Закрепленные данной статьей сокращенные сроки для обращения в суд и правила их исчисления направлены на быстрое и эффективное восстановление нарушенных прав работника и по своей продолжительности являются достаточными для обращения в суд (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 октября 2018 года № 38-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 12 июля 2005 года № 312-О, от 5 марта 2009 года № 295-О-О, от 18 октября 2012 года № 1877-О, от 23 апреля 2013 года № 618-О и др.).

Начало течения трехмесячного срока для обращения в суд законодатель связывает с днем, когда работник узнал или должен был узнать о нарушении своего права. Своевременность обращения в суд зависит от волеизъявления работника, а при пропуске срока по уважительным причинам он может быть восстановлен судом (часть четвертая статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации).

Таким образом, установленные оспариваемой нормой сроки обращения работника (государственного служащего) в суд за разрешением индивидуального трудового (служебного) спора согласуются с конституционными положениями, гарантирующими судебную защиту и право на индивидуальные трудовые споры, обеспечивают эффективное восстановление нарушенных трудовых (служебных) прав.

4.1. В соответствии со статьей 381 Трудового кодекса Российской Федерации к индивидуальным трудовым спорам относятся неурегулированные разногласия между работодателем и работником по вопросам применения трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, коллективного договора, соглашения, локального нормативного акта, трудового договора (в том числе об установлении или изменении индивидуальных условий труда), о которых заявлено в орган по рассмотрению индивидуальных трудовых споров, споры между работодателем и лицом, ранее состоявшим в трудовых отношениях с этим работодателем, а также лицом, изъявившим желание заключить трудовой договор с работодателем, в случае отказа работодателя от заключения такого договора.

Из приведенного законоположения следует, что индивидуальный трудовой спор, как правило, возникает по поводу нарушения трудовых прав работника в конкретном трудовом правоотношении, а требование о компенсации морального вреда может сопровождать иск о восстановлении нарушенных трудовых прав работника. В этом случае исковые требования работника объединены в рамках единого индивидуального трудового спора. Соответственно, не возникает сомнений относительно применения сроков, установленных в части первой статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации и исчисляемых в общем порядке – с момента, когда работник (государственный служащий) узнал или должен был узнать о нарушении своего права, а по спорам об увольнении – в течение одного месяца со дня вручения ему копии приказа об увольнении либо со дня выдачи трудовой книжки или со дня предоставления работнику в связи с его увольнением сведений о трудовой деятельности.

Когда требования о восстановлении нарушенных трудовых прав и о компенсации причиненного таким нарушением морального вреда заявляются работником (государственным служащим) отдельно, применение к последним сроков, предусмотренных статьей 392 Трудового кодекса Российской Федерации, с учетом правил их исчисления фактически может привести к тому, что на момент вступления в законную силу судебного решения, установившего факт нарушения прав работника (государственного служащего) и, соответственно, свидетельствующего о правомерности предъявления требования о возмещении морального вреда, удовлетворение этого требования станет невозможным.

В то же время в Постановлении от 8 июня 2015 года № 14-П Конституционный Суд Российской Федерации указал, что компенсация морального вреда как самостоятельный способ защиты гражданских прав есть мера гражданско-правовой ответственности, правовая природа которой является единой независимо от того, в какой сфере отношений – публично-правовой или частноправовой – причиняется такой вред. Сам же по себе иск о компенсации морального вреда относится к требованиям о защите личных неимущественных прав и других нематериальных благ.

Из этой правовой позиции следует, что к требованию о компенсации морального вреда, когда оно заявлено самостоятельно – без связи с другими требованиями, вытекающими из трудовых правоотношений, – не могут быть применены сроки, предусмотренные частью первой статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации.

Вместе с тем в таких случаях нельзя игнорировать неразрывную связь требования о возмещении морального вреда вследствие неправомерных действий или бездействия работодателя с трудовыми правоотношениями, что подтверждается и волей законодателя, отнесшего возмещение морального вреда, причиненного работнику, к материальной ответственности работодателя перед работником (глава 38 Трудового кодекса Российской Федерации), т.е. включившего его в сферу регулирования трудовых отношений, признав тем самым в рамках своей дискреции возможность применения в случаях

предъявления соответствующих требований в связи с нарушением трудовых прав норм именно этой отрасли права, притом что согласно статье 208 ГК Российской Федерации на требования о защите личных неимущественных прав и других нематериальных благ исковая давность не распространяется, кроме случаев, предусмотренных законом.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно отмечал, что федеральный законодатель в силу требований статей 1 (часть 1), 7 (часть 1), 8 (часть 1), 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 34 (часть 1), 35 (часть 2), 37 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации должен обеспечивать баланс конституционных прав и свобод, справедливое согласование прав и законных интересов сторон в трудовом договоре, являющееся необходимым условием гармонизации трудовых отношений в Российской Федерации как социальном правовом государстве (постановления от 24 января 2002 года № 3-П и от 15 марта 2005 года № 3-П).

Таким образом, предоставление работнику права требовать компенсации морального вреда, причиненного неправомерными действиями или бездействием работодателя, будучи направленным на достижение социально необходимого результата, вместе с тем не должно нарушать баланс прав и законных интересов работников и работодателей.

Реализация такого права без установления разумных сроков обращения в суд, тем более после того как нарушенные трудовые права восстановлены в судебном порядке, вела бы к несоразмерному ограничению прав работодателя как стороны в трудовом договоре и субъекта экономической деятельности.

Такого рода ограничение не обусловлено необходимостью защиты прав и свобод, закрепленных статьей 37 Конституции Российской Федерации, нарушало бы свободу экономической (предпринимательской) деятельности и право собственности, а потому не отвечало бы требованиям справедливости и соразмерности и по существу означало бы нарушение баланса прав и законных интересов сторон трудового правоотношения.

Таким образом, на законодательном уровне предполагается наличие разумных сроков обращения в суд с требованием о компенсации морального

вреда, причиненного нарушением трудовых прав, в том числе после их восстановления решением суда. Это в полной мере относится и к случаям нарушения служебных прав, если законодательством, регулирующим соответствующие служебные отношения, предусматривается субсидиарное применение норм Трудового кодекса Российской Федерации.

В отсутствие же таких сроков правовое регулирование характеризуется имеющим конституционную значимость пробелом, в силу которого практически невозможно компенсировать моральный вред, причиненный нарушением трудовых (служебных) прав, после того, как факт такого нарушения признан судебным решением, а сами права восстановлены, без нарушения баланса прав и законных интересов сторон трудовых отношений, необходимость поддержания которого обусловлена конституционными требованиями.

Следовательно, правовым регулированием не обеспечивается действенная защита нарушенных трудовых (служебных) прав в части возмещения причиненного таким нарушением морального вреда, что вступает в противоречие как с конституционными предписаниями о гарантированности судебной защиты, так и с положениями международных актов, обязывающими государство обеспечить любому лицу, права и свободы которого нарушены, эффективные средства правовой защиты (статья 2 Международного пакта о гражданских и политических правах).

Таким образом, часть первая статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации противоречит Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (часть 1) и 46 (часть 1), в той мере, в какой содержащееся в ней положение – ввиду отсутствия указания на сроки обращения в суд с требованием о компенсации морального вреда, причиненного нарушением трудовых (служебных) прав, в тех случаях, когда требование о компенсации морального вреда заявлено в суд после вступления в законную силу решения суда, которым нарушенные трудовые (служебные) права восстановлены полностью или частично, – нарушает право на судебную защиту, право на индивидуальные трудовые споры.

Федеральному законодателю надлежит – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций, выраженных Конституционным Судом Российской Федерации в настоящем Постановлении, – внести в действующее правовое регулирование изменения, направленные на установление срока обращения в суд с требованием о компенсации морального вреда, причиненного нарушением трудовых (служебных) прав в случаях, когда такое требование заявляется после вступления в законную силу решения суда, которым нарушенные трудовые (служебные) права восстановлены.

Конституционный Суд Российской Федерации, не предпреляя конкретного содержания необходимых изменений в правовом регулировании, полагает возможным во исполнение настоящего Постановления, руководствуясь пунктом 12 части первой статьи 75 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», установить, что впредь до внесения изменений, вытекающих из настоящего Постановления, требование о компенсации морального вреда, причиненного нарушением трудовых (служебных) прав, может быть заявлено одновременно с требованием о восстановлении нарушенных трудовых прав с соблюдением сроков, предусмотренных частью первой статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации, либо в течение трехмесячного срока с момента вступления в законную силу решения суда, которым эти права были восстановлены полностью или частично.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать часть первую статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (часть 1) и 46 (часть 1), в той мере, в какой она не содержит указания на сроки обращения в суд с требованием о компенсации морального

вреда, причиненного нарушением трудовых (служебных) прав в тех случаях, когда требование о компенсации морального вреда заявлено в суд после вступления в законную силу решения суда, которым нарушенные трудовые (служебные) права восстановлены полностью или частично.

2. Федеральному законодателю надлежит – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, – внести в действующее правовое регулирование изменения, вытекающие из настоящего Постановления.

Впредь до внесения соответствующих изменений требование о компенсации морального вреда, причиненного нарушением трудовых (служебных) прав, может быть заявлено одновременно с требованием о восстановлении нарушенных трудовых прав с соблюдением сроков, предусмотренных частью первой статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации, либо в течение трехмесячного срока с момента вступления в законную силу решения суда, которым эти права были восстановлены полностью или частично.

3. Правоприменительные решения по делу гражданина Четыза Рамазана Махмудовича, принятые на основании части первой статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации, подлежат пересмотру после внесения в действующее правовое регулирование необходимых изменений во исполнение настоящего Постановления.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть

опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

№ 35-П

Конституционный Суд
Российской Федерации